

Виктор Шендерович

Как я теперь живу

Текст, написанный на вторую неделю после эмиграции

В целом, я считаю, живу я неплохо.

Просыпаюсь поздно, потому что спешить некуда: Россию уже продал, и деньги еще есть. Еще полудрема колеблет границы новой реальности, а в мозгу сама собой, по привычке, начинает ворочаться какая-нибудь русофобская дрянь. Не принизить ли, например, думаю, подвиг советского народа в Великой Отечественной? Или, додремав, начать сразу с ревизии нашей прекрасной истории в целом?

Но к первой чашечке кофе – с малиновым, как правило, круасаном (если просыпаюсь в Париже) или сальмоновым бейглом с сыром «Филадельфия» (если доведется размежить веки где-нибудь в Ванкувере) – приоритеты проясняются, и я, не теряя времени, сразу приступаю к оскорблению ветеранов.

Дело это, надо вам знать, требует недюжинного мастерства и звериной ненависти к России, но всего этого у меня навалом, и к полудню ветераны бывают оскорблены поименно и по самое не могу – особенно те из них, которые пачкали пеленки, когда я по возрасту выходил из комсомола.

Ближе к обеду я, как правило, оправдываю нацизм. Нацизм, как теперь хорошо известно, особенно близок моей душе, и я счастлив, что могу наконец не скрывать этого. Я включаю для настроения Вагнера – и начинаю исходить на свастики. Особенно люблю я заниматься этим делом в Израиле – здесь моей нацистской душонке не так одиноко. Когда нас, любителей Гитлера, собирается вместе десять человек, это называется миньян.

Мой обед вкусен, а послеобеденный сон сладок: мы гуляем в нем рука об руку с моей любимой Мадлен (Олбрайт) и расчлением, расчлением, расчлением Россию... Я просыпаюсь в слезах от счастья.

В этом размягченном состоянии особенно хорошо дается мне распространение заведомо ложных сведений с непременным осквернением памяти павших. Как никто умею я сопрягать словоблудие с аморализмом – и странно было бы не воспользоваться этим в обстановке полной безнаказанности.

Перед закатом, когда прощальный свет умиротворяюще льется на ступени Капитолия, я люблю пройтись по берегам Потомака, чтобы в районе Лэнгли получить инструкции на ночь. Как правило, выбор моих заокеанских хозяев колеблется между дискредитацией миролюбивой политики Путина и циничным разламыванием скреп, и я не могу отказать им в этой малости. В конце концов, мы делаем одно большое грязное дело!

...Вечерний чай с заслуженными печеньками остывает на столике у кровати – вдохновение, накатывающее на меня в этот час, не терпит отлагательств. О, этот сладкий миг, о любимейшее занятие... Не трогайте меня, не отвлекайте на сексизм и педофилию, все потом! – я занят, я клеветчу.

Я называю ворами и убийцами лучших, честнейших людей моего отечества, я нахожу какие-то особенные слова для каждого, блять, из них... Я не усну, пока не опорочу и отечество в целом, не засуну скрюченные пальцы во все язвы его, не расковыряю до крови его святую старину. Только тогда придет недолгий покой к продажной моей душонке, только тогда старина Морфей ударит меня наконец по маленькой злобной голове и отрубит до утра.

...Я проснусь поздно, когда все люди доброй воли уже давно ебошат на благо мира и прогресса – проснусь и буду лежать в слабой полудреме, мучительно пытаюсь вспомнить, где нахожусь. В какой именно части света и как далеко от родных Сокольников прячусь от народного гнева и справедливого российского суда...

